

Нужно отметить также, что в отличие от других работ рецензируемое исследование дает представление не об обобщенной модели современного обряда, а о его реальных типах, реальном бытовании и реальных локальных особенностях.

Обе главы книги максимально полно охватывают вопросы, касающиеся традиционной и современной родильной обрядности украинцев. Более того, намечены перспективы дальнейшего исследования. Например, в результате синхронного анализа распространения традиционных родильных обычаев и обрядов возникло немало вопросов, связанных с генезисом явлений украинской культуры как составной части восточнославянской культуры. Решение этой задачи соответственно требует картографических материалов по западноукраинским и смежным с Украиной областям России, Молдавии, Белоруссии и соседних стран. Правда, существующая литература уже могла бы частично послужить автору для плодотворного сравнительного изучения родильной обрядности на смежных территориях. Другая задача связана с изучением процессов этнической интеграции родильной обрядности как составной части духовной культуры украинского народа. Диалектика национального и интернационального в этом процессе, его комплексные культурно-этнические характеристики, в том числе первичные и вторичные формы обряда и его переходные формы между смежными ареалами,— все это требует еще своего изучения.

Книга Н. К. Гаврилюк — итог кропотливого и тщательного многолетнего труда. Она содержит разнообразнейший, вдумчиво отобранный материал, отличается четко аргументированными выводами и продуманной системой карт. Без сомнения, этот труд привлечет внимание специалистов многих смежных с этнографией дисциплин. Хотелось бы пожелать Н. К. Гаврилюк продолжить успешно начатое исследование, так как итоги работы и намеченные перспективы, бесспорно, принципиально важны и для практических работников, и для теоретических изысканий советских этнографов.

*Л. А. Тульцева*

**С. С. Курогло. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980. 138 с.**

Изучение обрядовой стороны жизни этносов, в том числе и семейной обрядности, остается одним из важнейших направлений этнографических исследований. Ежегодно публикуются работы, посвященные разным аспектам обрядности. Только в 1980 г. этнографическая наука пополнилась рядом разноплановых серьезных исследований семейной обрядности народов СССР. Изучению русской городской свадьбы посвящена монография Г. В. Жирновой; по-новому подошли к изучению свадебных и похоронных обрядов большого региона авторы коллективной монографии «Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения». Региональный подход характерен и для рецензируемой монографии, посвященной исследованию семейной обрядности гагаузов, одного из сравнительно немногочисленных народов нашей страны. От имеющих уже публикаций по гагаузской семейной обрядности книга С. С. Курогло выгодно отличается полнотой анализируемого материала. Ранее им уже был опубликован ряд статей о гагаузских родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах.

Рецензируемая монография представляет собой итог многолетних исследований. С. С. Курогло тщательно учитывает публикации других авторов, изучавших данную проблему, широко использует архивные материалы и произведения фольклора, однако основным источником для его работы послужили полевые записи, сделанные им в гагаузских селах Молдавии и Одесской области УССР в этнографических экспедициях 1970—1978 гг. Из-за недостаточной этнографической изученности гагаузов С. Курогло поставил задачу «как можно шире описать и дать сравнительно-исторический анализ традиционной семейной обрядности гагаузов, выявляя в ней элементы специфики, степень и характер межнациональных заимствований, уровень устойчивости традиции в новых условиях» (с. 10).

Книга состоит из введения, трех глав — «Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей», «Свадебная обрядность», «Похоронно-поминальные обычаи и обряды» — и заключения. В вводной части представлена историография проблемы, задачи и методика данного исследования, хронологические рамки которого определены источниками. Упоминания о гагаузах как отдельном народе встречаются начиная с первой половины XIX в., поэтому, отбирая сведения о семейной обрядности, С. Курогло должен был скрупулезно изучить практически всю литературу, хоть в какой-то степени касающуюся гагаузов. Во введении дается и небольшая историко-этнографическая справка о народе, что в сочетании с историографическим обзором позволяет составить цельное представление о народе, его истории и степени изученности и, безусловно, облегчает читателю восприятие конкретной темы — семейно-обрядовой стороны жизни гагаузов.

Первая глава знакомит читателя с обрядами, связанными с рождением и воспитанием детей. Она состоит из двух параграфов: в первом говорится об обычаях, обрядах и верованиях, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка, во втором — об обычаях и обрядах, посвященных принятию детей в семью и общество.

Последовательно описывая обряды, связанные с рождением ребенка, С. С. Курогло анализирует их в сравнительно-историческом плане, отмечая среди многочисленных обрядовых элементов специфически гагаузские и регионально-общие, свойственные бол-

гарам, молдаванам, русским, украинцам, а также туркам. Автор раскрывает функциональное значение обрядов в прошлом и изменения, происшедшие в них к настоящему времени. В результате предпринятого анализа он приходит к выводу, что «по своему функциональному значению и структуре гагаузский обряд не отличается от аналогичных обрядов соседних народов» (с. 21). С. С. Курогло показывает, что большинство родильных обрядов были профилактическими и вытекали из многовековой практики людей. Вместе с тем значительная часть их имела магический смысл и была связана с представлениями об уязвимости роженицы и ребенка. Сохранение в родильных обрядах некоторых архаических элементов до настоящего времени С. С. Курогло объясняет консервативностью крестьянского быта и, в частности, влиянием христианской религии.

В конце главы излагаются основные выводы, вытекающие из исследования эволюции обрядности рассматриваемого цикла, которая выражалась в изменении состава участников обрядовых торжеств и подарков, в изменении удельного веса религиозно-магических и социально-бытовых обрядов. Высказываются рекомендации об использовании народной обрядности при современном чувствовании новорожденного.

Глава о свадьбе по объему самая большая в книге. Все обряды свадебного ритуала, как это принято в этнографической литературе, автор подразделяет на предсвадебные, собственно свадебные и послесвадебные.

Описывая обряды, С. С. Курогло исследует их исторические корни, прослеживает эволюцию, в процессе которой под влиянием капиталистических отношений из ритуала выпали некоторые унизительные для молодоженов обряды (публичный показ рубашки новобрачной, мытье ног родителям и родственникам), а религиозно-магические обряды переосмыслились в развлекательно-игровые (разламывание калача, употребление овечьей шкуры в качестве подстилки). Сравнительный анализ свадебных обрядов гагаузов с обрядами других народов региона, проведенный автором, свидетельствует о том, что большинство гагаузских свадебных обрядов сходно с обрядами соседних народов, особенно болгар и молдаван, некоторые — с обрядами тюркских народов (заплетание невесте 12 кос, опоясывание ее специальным поясом). Отмечая локальные, различия в отдельных элементах обряда, в их последовательности, числе участников, продолжительности свадьбы и в свадебной терминологии, С. С. Курогло приходит к выводу, что эти «различия не имеют регионального характера и потому не могут быть выделены в качестве отдельных типов» (с. 90). В гагаузских селах в XIX — начале XX в., считает автор, существовал единый свадебный ритуал.

Глава о свадьбе также завершается выводами и рекомендациями об использовании отдельных традиционных обрядов в современном свадебном ритуале. В отличие от предыдущей она иллюстрирована 14 фотографиями, отражающими различные моменты свадьбы. Жаль только, что нет ни одной цветной фотографии и что все они не датированы.

Третья глава посвящена похоронно-поминальным обрядам и обычаям и состоит из двух разделов. В первом говорится об обычаях, обрядах и верованиях, связанных со смертью и похоронами, во втором — с поминанием усопших. С. С. Курогло обращает внимание на большую (по сравнению с родильными и свадебными) консервативность и устойчивость похоронно-поминальных обрядов, в основе которых лежат дохристианские представления о смерти, загробной жизни, душе, способности умерших влиять на живых и т. п.

Из сравнительного анализа похоронной обрядности гагаузов и народов Балканодунайского ареала следует вывод о том, что «в обрядовом фонде похорон преобладали общебалканские черты» (с. 112). При этом наибольшая близость, как и в области родильной и свадебной обрядности, в похоронных обрядах наблюдается с болгарскими и молдавскими, хотя заметны черты сходства также и с греческими и с тюркскими обычаями. Характерной чертой гагаузских похорон XIX — начала XX в. С. С. Курогло считает использование большого числа (им выявлено 12 видов) обрядовых хлебов.

Поминки анализируются по двум циклам: первый, включающий 3, 9, 20, 40-й дни, полгода, год и три года со дня смерти человека; второй — в определенные дни народного календаря, а именно: в четверг накануне пасхи (*ак першембä*), в понедельник фоминной недели (*kijčük paskellä*), накануне праздника вознесения (испас), в субботу перед троицей (*моша*). Поминки первого цикла были связаны с конкретными умершим и носили семейный характер, второго — общественный. Большинство последних падает на весенний период, что говорит об их связи с культом мертвых.

В книге описываются ритуалы всех дней поминовения, прослеживается их сходство с соответствующими обрядами соседних народов, отмечается процесс изменения (уменьшение числа дней поминовения, исчезновение некоторых традиционных элементов) изучаемой обрядности в исследуемый период.

Глава иллюстрирована 17 фотографиями, на 16 из которых запечатлены основные типы надгробных сооружений с какими-то тамгообразными, но пока еще не расшифрованными знаками, по мнению исследователя, возможно, указывающими на принадлежность умершего к определенной родовой или семейной группе (с. 110).

Как и предыдущие, глава заканчивается конкретными рекомендациями об использовании отдельных традиционных обрядов при создании современного похоронно-поминального ритуала.

В кратком заключении изложены выводы, вытекающие из исследования семейных обрядов гагаузов, а также основные тенденции изменения в советский период.

Рецензируемая книга представляет собой первое обстоятельное исследование семейной обрядности гагаузов, рассматриваемой на широком общерегиональном фоне и на фоне обрядности тюркского мира, благодаря чему выявляется специфика гагаузской обрядности и ее место в обрядности данного региона.

К сожалению, в работе имеется ряд досадных недочетов, отчасти обусловленных общим состоянием понятийного аппарата, используемого при изучении обрядности. Так, понятия «обычай», «обряд», «ритуал», «традиция» и их различные сочетания (свадебный обряд, свадебный ритуал, обрядовый ритуал и т. д.) применяются в ней в качестве синонимов. Попытки упорядочения, ранжирования этих понятий в этнографической литературе предпринимались не раз<sup>1</sup>, но все же единообразия в их употреблении нет до сих пор, что нашло отражение и в рецензируемой книге.

В работе встречаются логически не вполне корректные выражения типа: «одной из важнейших черт обряда являлось его бытовое назначение» (с. 76) — а можем ли мы назначение, т. е. функцию, квалифицировать как черту, т. е. свойство, признак? Или, например: «эволюция обрядности выражалась в сокращении архаичных и увеличении социально-бытовых элементов» (с. 34) — но ведь среди архаичных элементов есть и социально-бытовые, а социально-бытовые могут быть и бывают весьма архаичными.

Но эти погрешности не снижают общей ценности работы. Монография С. Курогло интересна и полезна не только исследователям. Рекомендации об использовании отдельных традиционных обрядов в современной обрядности могут быть использованы в практике работы государственных, общественных и культурных учреждений и обогатить формирующуюся социалистическую культуру быта. Кроме того, книга может быть рекомендована и широкому читателю, которого она познакомит с историей, обычаями и повседневной жизнью небольшого самобытного и интересного народа.

Л. С. Христолюбова

<sup>1</sup> См.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, вып. 1, с. 7; Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. М.: Наука, 1966, с. 42; Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (По материалам Вологодской губ.). — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978, с. 72—88.

**Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета.** Ч. I. — Народы Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979, 340 с.; Ч. II. — Народы СССР (кроме Сибири) и Зарубежных стран. Томск. 1980. 250 с.

Большую и очень нужную для науки работу провели этнографы Томского университета, издав каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Над каталогом работала большая группа специалистов. П. Е. Бардиной принадлежит раздел «Тувинцы»; В. М. Кулемзину — «Ханты», «Манси», «Самоеды», «Кеты»; Н. В. Лукиной — «Селькупы», «Остяки», «Ненцы», «Эскимосы», «Долганы», «Эвенки», «Народы Амурского края», «Предметы с неопределенной этнической принадлежностью»; Э. Л. Львовой — «Чулымские тюрки»; А. М. Сагалаеву — «Ламаизм»; Д. П. Славнину — «Русские», «Украинцы», «Болгары», «Мордва», «Марийцы», «Коми-Пермяки», «Эстонцы», «Ненцы», «Имереты», «Персы», «Буряты», «Монголы», «Торгоуты», «Маньчжуры», «Эвены», «Корейцы», «Японцы», «Полинезийцы», «Алеуты», «Индейцы Северной Америки»; Н. А. Томилову — «Сибирские татары», «Алтайцы», «Шорцы», «Казахи», «Киргизы», «Уйгуры», «Узбеки», «Туркмены»; М. С. Усмановой — «Хакасы», «Якуты», «Китайцы».

Вводную статью «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» написали Д. П. Славнин и Н. А. Томилов. Иллюстрации к каталогу сделаны художником-этнографом В. Б. Богомоловым (большая часть) и художником С. Т. Бардиным. Общая редакция осуществлена Д. П. Славниным, Н. А. Томиловым (отв. ред.) и М. С. Усмановой. Ими же написаны «Предисловие» (ч. I, с. 3—7) и разделы: «Структура каталога» (ч. I, с. 14—15) и «Список собирателей и дарителей этнографических предметов и коллекций за период с 1882 по 1972 год» (ч. II, с. 228—237). Заканчивается каталог разделом «Предметный указатель» (ч. II, с. 238—249).

В «Предисловии» очень кратко сообщены ценные сведения о составе коллекций музея и об его иллюстративном фонде. Из этой части работы узнаем, что в 1975 г. в этнографическом фонде насчитывалось 2364 экспоната, а в фототеке музея — свыше 4000 единиц. В фототеке хранятся уникальные негативы и фотографии конца XIX — начала XX в., выполненные А. В. Адриановым (хакасы и казахи), С. П. Шведовым (русские «поляки» и алтайцы), А. И. Молотилковым (якуты), Г. Н. Потаниным (разные народы), А. Н. Зиминым (быт китайцев), И. П. Кузнецовым (американские индейцы) и др.

В музее хранятся этнографические рисунки XIX — начала XX в., принадлежащие П. М. Кашарову, Г. Гуркину, Вороновой-Уткиной и др.

В специальном разделе — «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» (с. 8—13) рассматриваются вопросы комплектования фондов музея.

Наиболее полно этнографическими экспонатами в музее представлены народы Сибири — на их долю приходится 1420 предметов или около 60% всего фонда. Так, коллекции по этнографии шорцев насчитывают 373 предмета, хантов — 234, коллекции по культуре и быту эвенков — 73 предмета, алтайцев — 63, бурят — 38, сибирских татар — 35, кетов — 27, чулымских тюрков — 27, селькупов — 12, якутов — 10, манси — 8 предметов. Из народов Дальнего Востока в музее этнографическими материалами представлены лишь нивхи и начакцы (85 предметов).